

DOI: 10.15643/libartrus-2021.5.5

«Православные», «мусульмане» и другие «верующие» на официальном сайте Президента Российской Федерации

© А. К. Идиатуллов

*Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова
Россия, 432071 г. Ульяновск, площадь Ленина, 4/5.*

Email: azkoidiat@yandex.ru

Религия и околорелигиозные вопросы стали частью повседневной жизни россиян. Конфессиональные проблемы обсуждаются на самых высоких этажах властной иерархии. В статье анализируется количество упоминаний представителей наиболее многочисленных конфессий России (православных и мусульман) на официальном сайте Президента России. Поисковые запросы показали весьма ожидаемое распределение групп верующих, представителей религий и конфессий, по числу упоминаний: на первом месте значатся заявленные в названии статьи православные и мусульмане. Кроме того, анализ материалов сайта выявил возросший интерес Президента к суннитско-шиитской проблематике. В целом, по мнению автора статьи, материалы официального сайта Президента отражают достаточно взвешенную, в чем-то прагматичную позицию исполнительной власти к религиозному вопросу, который в целом не является первоочередным в повестке дня на протяжении почти 20 лет. Отдельные максимумы упоминаний православных и мусульман связаны с реальными историческими событиями, носят ситуативный характер, их никак нельзя назвать тенденциозными.

Ключевые слова: *Президент России, религия, православные, мусульмане, христиане, Русская православная церковь, ислам, верующие, сунниты, шииты.*

Введение

Исследование религии и религиозности во всех возможных вариантах является одной из ведущих тем современных гуманитарных и общественных наук, в первую очередь истории, религиоведения, этнологии, социологии. Более того, религия и смежные с ней явления за достаточно короткий срок (начиная с конца 80-х гг. XX в.) стали важнейшей частью российской действительности, проникнув в различные сферы нашей жизни: от школы и армии, с одной стороны, до телевидения и сети Интернет, с другой [41]. И если споры о степени воцерковленности [16, 37], «исламизации» [15], уровне религиозности и религиозной грамотности населения [17] и отдельных этносоциальных групп не прекращаются до сих пор, то факт реванша всего «религиозного» как явления повседневности, пожалуй, отрицать уже бессмысленно. Причины столь стремительного религиозного возрождения неоднократно анализировались исследователями, и чаще всего среди них фигурировали распад СССР и последовавший за этим социально-экономический, политический и культурно-ценностный кризис. Образовавшийся в массовом сознании граждан России идеологический вакуум на фоне политических свобод и тяжелейших экономических потрясений стремительно заполнялся всевозможными религиозными идеями, в т.ч. и нетрадиционными для российского общества. Более поздние публикации оценивают религиозный ренессанс в нашей стране с позиции общемировых трендов. Отмечается в частности возрастающая востребованность религии в условиях системного

кризиса западного общества, а также принципиальное изменение самого понятия «религиозность». «На первый план выходят такие тенденции, как коммерциализация и инструментализация религии. Религия превращается в действенный инструмент «мягкой силы», в новую форму политической идеологии» [42, с. 4].

Усиление конфессионального фактора в России заметно по многим признакам. Увеличивается число официально зарегистрированных религиозных организаций. Если в 1990 г. на территории России действовало 3983 зарегистрированных религиозных объединения, то в 2018 г. – 30896, т.е. почти в 9 раз больше [33, с. 177; 36, с. 99]. Социологические исследования за последние два десятилетия показывают значительный рост верующих и сокращение доли неверующих в российском обществе. Если в 1991 г. православных насчитывалось 31%, то в 2010 г. их было уже 70%. В 2020 г. удельный вес православных несколько сократился, но по-прежнему остается высоким и составляет 68% [4; 38, с. 10]. Увеличилась и доля мусульман с 1% в 1991 г. до 7% в 2020 г. По сравнению с распределением мнений в 1991 г., в два раза сократилась доля опрошенных, не верящих в существование Бога, и, напротив, в 2.5 раза увеличилась поддержка представления о безоговорочном существовании Бога [4].

Заметно влияние религиозного фактора в системе образования. Например, уже более десяти лет в педагогическом сообществе осуществляются проекты Федеральной целевой программы развития образования, направленные на разработку, апробацию и внедрение учебных модулей по курсу «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ). В ряде университетов России, в т.ч. педагогических, открылись кафедры и даже факультеты теологии. Часть либерально настроенных ученых и общественных деятелей нередко критикуют подобное сближение религии и образования, усматривая в нем «отход от принципа разделения религии и государства» [8, с. 57]. Справедливости ради отметим, что тенденция «интеграции» религии в светские институты, расширение сферы деятельности священнослужителей, которые начинают выполнять не только священнические функции – это явление не одной лишь российской действительности. Зарубежные исследователи начиная с 60-х гг. XX в. также отмечают, что занятия священников становятся более разнообразными и не сводятся исключительно к совершению ритуалов [22, 45, 46].

Изменилось отношение к религии и на уровне государства. И если советский период с известной долей условности можно обозначить в целом как конфронтационный в сфере государственно-конфессиональных отношений, то применительно к постсоветскому этапу данных отношений авторы чаще всего используют термины партнерства [20], сотрудничества [43, с. 9], взаимодействия, диалога. В частности, вопросы, в той или иной степени касающиеся религии, обсуждаются на самых высоких этажах властной иерархии, в т.ч. на уровне Президента, и фигурируют, например, в ежегодных посланиях Федеральному собранию.

Надо сказать, что исследование взаимосвязи политики и религии не является чем-то новым для отечественной истории религии и шире – науки о религии. Можно даже сказать, что это мейнстрим российского исторического религиоведения, обусловленный в первую очередь традиционно сильным влиянием органов государственной власти Российской империи, а затем и Советского Союза на религиозные институты. Показательны в связи с этим названия ряда публикаций, в первую очередь диссертаций, посвященных религиям России, где зачастую фигурируют такие термины, как «государство», «власть», «политика» [14, 21, 29, 39].

Научные работы, в которых рассматривается более узкий спектр вопросов, касающихся взаимодействия современной исполнительной власти, государства и религии, не столь

многочислены. Критический анализ данных публикаций показывает, что даже понятийный аппарат этой сферы не получил еще окончательного оформления [36, с. 101]. В частности, в законодательстве, документах РПЦ, публикациях представителей конфессий зачастую фигурируют различные понятия: государственно-церковные, церковно-государственные, государственно-религиозные, государственно-конфессиональные отношения, а также отношения государства с религиозными организациями. По мнению О. И. Сгибневой, наиболее точно последнее понятие [36, с. 101]. Однако в таком случае вне фокуса внимания остаются отношения государства с верующими, которые не относят себя ни к одной из организаций, что особенно странно, т.к. внеконфессиональная религиозность фиксируется в социологических исследованиях начиная с 90-х гг. XX в. достаточно регулярно. Например, согласно данным ВЦИОМ, в 2021 г. насчитывалось 4% респондентов, которые называли себя верующими, но не отнесли себя к какой-либо конфессии. Это, согласно тому же опросу, больше в два раза, чем число всех протестантов и буддистов вместе взятых, и сопоставимо с удельным весом мусульман (6%) [5]. Наконец, остается непонятным, как в контексте свободы совести будут выстраиваться отношения государства и неверующих людей, которых, согласно данным опросов, еще больше (14%) [5]. Есть ли у неверующих, атеистов, агностиков свои интересы в сфере государственно-конфессиональных отношений – вопрос, скорее, риторический, что не может не вызывать тревогу.

Кроме того, исследователи отмечают, что не завершено формирование новой модели взаимоотношения государства и религиозных организаций на принципах реальной, а не провозглашенной свободы совести и вероисповеданий [36, с. 101]. Действительно, несмотря на очевидные успехи политики государства в отношении к религии [38, с. 12–19], закрепленные в законодательстве (ст. 24 в Конституции РФ, Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях», Федеральный закон об экстремистской деятельности, ст. 5.26 КоАП РФ «Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях», ст. 148 УК РФ «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий»), целостная концепция взаимодействия государства с религиозными организациями еще не выработана [36, с. 101]. Например, в России отсутствует единая федеральная структура, которая бы осуществляла диалог с конфессиями.

Подмечено также, что на фоне усиления религиозного фактора значительная часть россиян испытывает некоторое «разочарование» деятельностью отдельных институтов, в т.ч. религиозных. В связи с этим показательны данные опросов ВЦИОМ [9]. Согласно им, высокая степень одобрения россиянами деятельности РПЦ – крупнейшего религиозного института России – «уживается» с другим фактом: увеличением доли лиц, которые относятся к данному институту с неодобрением (с 14.9% в 2012 г. до 22.6% в 2020 г.). Согласно исследованию Левада Центра (организация внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента), в 2020 г. 40% респондентов считали, что церковь определенно не должна оказывать влияние на принятие государственных решений. Для сравнения в 2007 и 2012 гг. ответивших таким образом было только 28% [4]. Некоторое недоверие отмечается среди верующих и к государственным институтам. Об этом пишут в частности Р. Н. Лункин на материале протестантских деноминаций [23, с. 138] и И. И. Верняев [6, с. 204] на материале старообрядческих общин. Особенно активно подобного рода «недоверие» формируется в рамках «чрезмерного» сближения РПЦ и российского государства. Чаще всего опасения высказывают мусульманские авторы, ученые и эксперты, придерживающиеся светских взглядов,

представители старообрядчества и протестантизма. В частности, по мнению М. Я. Яхьяева и Е. Г. Камышовой, в начале 1990-х гг. имело место прямое вмешательство церкви в социально-политические процессы [43, с. 8].

Несколько более подробно в научных публикациях отражена тематика государственно-исламских отношений. Среди них упомянем статью В. А. Надеин-Раевского [27], показавшего, что политика президента Турции приобрела откровенный панисламский характер; монографии А. В. Малашенко [25, 26], затронувшего тему исламского фактора в политике России и «мусульманских» государств Африки и Азии; статью В. Н. Пластуна [31], изучившего взаимовлияние религиозных и светских институтов в странах ислама.

Таким образом, краткий анализ публикаций показал, что в современных российских реалиях отсутствуют окончательно оформленные представления о сущности отношений государства и религии, которые очевидно не ограничиваются только положениями, закрепленными в законодательных актах и иных государственных документах. Также вызывает сомнение смещение этих отношений исключительно в сферу институционального взаимодействия, т.к. верующее население нередко не относит себя ни к какой религиозной организации. Кроме того, общий рост числа верующих и представителей определенных конфессий не всегда означает повышение уровня доверия граждан России к религиозным и государственным институтам. Все эти тенденции усиливают влияние неинституциональных, неформальных факторов на процесс государственно-религиозных отношений. Иными словами, нередко регулирование подобных отношений может происходить в «ручном режиме», может зависеть от конкретных религиозных и околорелигиозных событий (например, таких как дело Pussy Riot), личной позиции представителей власти, тональности их высказываний и оценочных суждений, что делает нашу работу по анализу сайта Президента на предмет упоминаемости конфессий весьма актуальной и значимой. Перспективность исследований мнений в сети Интернет подчеркивали многие ученые: как отечественные, так и зарубежные. В частности, отмечается, что «обсуждения в сети Интернет, будучи подвергнуты соответствующему анализу, позволяют исследователям получать представление о контексте формирования общественного мнения относительно события или персоналии» [12, с. 75]. Зарубежные исследования также показывают, что тональный анализ текстов в социальных сетях позволяет сделать выводы, коррелирующие с некоторыми традиционными показателями [44].

Обсуждение результатов

Целью данной статьи является анализ общей численности материалов по проблемам религии, и в первую очередь православия и ислама, размещенных на официальном сайте Президента Российской Федерации (Kremlin.ru, а также президент.рф) с 2000 по 2020 год.

Выбор данных конфессий обусловлен тем, что именно на них приходится наибольшее число зарегистрированных в России религиозных организаций, а также наибольший удельный вес верующих. В частности, по данным на 2018 г., в России зарегистрировано 30 896 религиозных организаций, относящихся к более чем 57 религиозным направлениям, течениям и деноминациям. Из них 18 850 относятся к Русской православной церкви, 5954 – к исламу, 4679 – к различным течениям и деноминациям протестантизма, 387 – к старообрядцам, 269 – к буддизму, 268 – к иудаизму, 237 – к Римско-католической церкви [33, с. 177–179]. Данные социологических исследований также фиксируют очевидное преобладание православных христиан и мусульман среди верующего населения в России. Например, согласно данным

Левада-центр (организация внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента), в феврале 2020 г. в России насчитывалось 68% православных, 7% мусульман, 22% атеистов или не отнесших себя ни к одной конфессии, 1% – представителей другой конфессии, менее 1% – представителей католицизма [4].

Информационная база сайта Президента РФ достаточно разнообразна. Она содержит не только нормативно-правовые и распорядительные документы, подписываемые Президентом России, но также материалы о встречах, совещаниях, заседаниях, переговорах, выступлениях с участием Президента либо сотрудников его администрации. Сам сайт был основан в 2000 г., и за двадцать лет своего существования в нем были опубликованы наиболее актуальные замечания, позиции, ответы, комментарии Д. А. Медведева и В. В. Путина, юридические документы, подписанные ими, суммируя которые, на наш взгляд, можно составить достаточно точное или близкое к таковому представление о взглядах верховной исполнительной власти России на религиозную сферу.

Поисковые запросы (здесь и далее все запросы от 3 ноября 2020 г.) на данном сайте показали весьма ожидаемое распределение групп верующих, представителей религий и конфессий по числу упоминаний: на первом месте значатся православные, на втором – мусульмане (табл. 1).

Таблица 1

Количество результатов по запросам конфессиональных групп
на сайте Президента, в РИНЦ и поисковой системе Google

Наименование представителей конфессиональных групп	Сайт Президента РФ	РИНЦ	Поисковая система Google
Православные	866	47 334	13 600 000
Мусульмане	306	5425	9 630 000
Христиане	176	3790	6 860 000
Буддисты	47	448	647 000
Иудеи	25	621	1 780 000
Сунниты	15	266	387 000
Шииты	15	324	421 000
Католики	12	1064	485 000 000
Старообрядцы	12	3156	627 000
Баптисты	2	634	367 000
Евангелисты	2	222	287 000

Для сравнения: данные аналогичных запросов в базе публикаций РИНЦ показали совпадение по трем наиболее упоминаемым группам верующих, но существенное расхождение по оставшимся категориям. Например, на сайте Президента старообрядцы по количеству упоминаний занимают 8–9 место, а в РИНЦ – 4 место. Схожая картина наблюдается у баптистов и у католиков. На сайте Президента по количеству упоминаний они заняли 10–11, 8–9 места соответственно, а в РИНЦ – 6 и 5 место. С суннитами и шиитами ситуация иная, их позиция на сайте Президента оказалась несколько выше, чем в РИНЦ. Также заметны расхождения данных по сайту Президента с результатами поисковых запросов в Google (число проиндексированных Google ресурсов, содержащих указанные ключевые слова). Особенно очевидны они для католиков и старообрядцев. Также зафиксируем не соответствия упоминаний на сайте с численностью зарегистрированных конфессий, которое особенно заметно для протестантов и старообрядцев.

Цифры, полученные по сайту, разнятся и с результатами социологических опросов, посвященных численности конфессий в России [1]. Согласно им, например, численность язычников и атеистов в стране больше, чем буддистов и иудеев. Поэтому наибольшее количество упоминаний православных, мусульман, буддистов и иудеев на сайте Президента нельзя объяснить одним лишь численным преобладанием этносов, традиционно исповедующих данные религии, т.к. данный критерий религиозной и конфессиональной идентификации в контексте свободы совести вряд ли убедителен. Действительно, исходя из данных того же атласа религий и национальностей России 25% россиян верят, но при этом не относят себя к какой-либо религии [1].

Наконец, одним из лидеров упоминаний на сайте является категория «христиане» – пересекающаяся с понятием «православные», но не исключая его. Кстати сказать, согласно социологическим опросам, «христиане» без конкретной конфессиональной принадлежности занимают лишь пятое место [1].

Для объяснения данных фактов нужно вспомнить о традициях и общих трендах российской внутренней и внешней политики в области религии последних десятилетий. Во-первых, в преамбуле Федерального закона РФ от 26.09.1997 №125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях», кроме того, что «подтверждается право каждого на свободу совести и свободу вероисповедания» [30], равенство перед законом независимо от отношения к религии и убеждений, а также светский характер государства, признается особая роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры. Иными словами, впервые в современной истории нашей страны религия признается как основа духовности. Помимо православной конфессии, федеральный закон закрепляет особый статус и других религий: «христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России» [30]. Заметно, что ранг упоминаемости религий на сайте Президента и порядок перечисления религий в законе во многом совпадают. Например, православие первым упоминается в законе и занимает первое место по численности результатов по запросам. Можно предположить, что относительно его роли как ключевого религиозного фактора в российском обществе как на уровне государственной власти, так и в научном сообществе установился негласный консенсус.

Некоторое преобладание «православного» и «христианского» контекстов на сайте Президента подтверждается и при анализе встречаемости других религиозных терминов и понятий (табл. 2). Например, такие слова и словосочетания, как «церковь», «Русская православная церковь», «патриарх», «православие», встречаются намного чаще, чем «мечеть», «муфтий», «Духовное управление мусульман». Терминология буддизма и иудаизма представлена еще меньше.

Заметно более низкие позиции по упоминаемости католиков, старообрядцев и протестантов на сайте Президента по сравнению с численностью зарегистрированных организаций этих конфессий и частотой, с которой они фигурируют в поисковых системах в том числе научных платформ, также заслуживают особого внимания.

Во-первых, протестантизм сам по себе гораздо более разнообразен по составу, чем православие, поэтому несмотря на многочисленность зарегистрированных организаций (третье место после мусульманских) требует специального контекста или информационного повода, в рамках которого могли бы быть упомянуты его отдельные течения и деноминации: баптисты, лютеране, пятидесятники, методисты, пресвитериане и др. По этой же причине отдель-

ные упоминания старообрядцев не столь многочисленны, как следовало бы ожидать в связи с многочисленностью их религиозных организаций (четвертое место после протестантских) и общей численностью верующих, т.к. на уровне верховной исполнительной власти они могут быть рассмотрены и в рамках общеправославной и общехристианской тематики. Тем более что последние полтора десятилетия ознаменовались очевидным сближением РПЦ и ряда старообрядческих церквей [6, с. 203].

Очевидно, что в рамках научного дискурса отличия старообрядцев от представителей РПЦ, протестантов от «христиан вообще» гораздо более существенны и более того, в ряде дисциплин, например, религиоведении и этнографии, необходимы, что ожидаемо увеличивает их упоминаемость на платформе РИНЦ. Кроме того, протестантизм в постсоветский период претерпел значительные трансформации, связанные с изменением национального состава многих церквей, возникновением принципиально новых миссий и движений, которых в России до 1917 г. никогда не было [23, с. 134]. Подобные изменения, прежде чем стать предметом политики, очевидно требуют более детального и глубокого осознания научным и экспертным сообществом.

Во-вторых, в рамках российского экуменического (в широком смысле слова) процесса заметно сближение православия, ислама, буддизма и иудаизма, в то время как католики и протестанты остаются как бы в стороне от межконфессионального диалога [35, с. 15]. Так, в декабре 1998 г. по инициативе Русской православной церкви на встрече глав и представителей Московской патриархии, Совета муфтиев России, Центрального духовного управления мусульман России и европейских стран СНГ, Буддийской традиционной сангхи России и Конгресса еврейских религиозных организаций и объединений была создана общественная организация – Межрелигиозный совет России. Целью Совета является координация совместных действий и противодействие использованию религиозных чувств для разжигания межэтнических конфликтов, утверждение в обществе традиционных духовных ценностей, согласия и стабильности, диалог с государственной властью России и других стран [3, с. 4].

Вообще, некоторое дистанцирование Русской православной церкви и государства от западных церквей (католиков и протестантов) слишком очевидно, чтобы оставить в его стороне. Разумеется, оно носит в первую очередь цивилизационный характер и обусловлено историческими причинами, которые не представляется возможным полноценным образом осветить в данной статье. Не вдаваясь в глубокий анализ данной проблемы, отметим как гипотезу возможную обеспокоенность властей и РПЦ усилившимся влиянием протестантских деноминаций в постсоветской России, которое рассматривается сквозь призму «западных

Таблица 2
Количество результатов по запросам религиозных категорий на сайте Президента

Наименование категории	Количество результатов
Бог	1044
Церковь	813
Религия	667
Патриарх	604
Русская православная церковь	584
Храм	520
Конфессия	370
Монастырь	226
Верующие	161
Православие	145
Мечеть	115
Муфтий	109
Духовное управление мусульман	85
Христианство	81
Совет муфтиев	65
Буддизм	49
Синагога	33
Дацан	14
Исламисты	10
Атеисты	9

агентов», «пятой колонны». Видимо, в РПЦ и во властных структурах считают, что протестанты «исповедуют западническую идеологию, западный рационализм, который чужд евразийскому восточному православному сознанию» [23, с. 142] и потому представляет социокультурную угрозу для России.

Нельзя не отметить и дискуссионный характер понятий «традиционной религиозной общины» [35, с. 9] и «традиционных ценностей», которые нередко фигурируют в публикациях и документах РПЦ, а также в научных публикациях, посвященных проблемам межконфессионального взаимодействия. Имеющие в целом серьезные историко-культурные и политико-географические предпосылки, они нередко используются как маркер, позволяющий отделить такие конфессии, как православие, ислам, иудаизм и буддизм, от других религиозных организаций, что в целом представляет угрозу для более масштабного межконфессионального диалога. Еще более остро по этому поводу высказался В. Ф. Артюшкин, с которым сложно не согласиться в том, что принцип веротерпимости «не трансформировался в принцип равноправности религий в новой России», и «введение равенства для узкого круга избранных только по одному из множества критериев – исторической традиции – не заменяет их неравенства по другим, например, по численности и концентрации паств, оставляя тем самым лазейку для последующего ранжирования и раздачи прерогатив уже в кругу избранных» [2, с. 8].

На наш взгляд, межконфессиональный диалог в России необходим на более широком уровне. Все религии должны вносить посильный вклад в развитие добрососедских отношений между конфессиями и их последователями, что отвечает интересам всех религиозных организаций с одной стороны, и интересам российского государства – с другой. Без осознания важности такого диалога сложно себе представить будущее такой многоконфессиональной и многонациональной страны, как Россия. Примером того, что деятельное взаимодействие религий укрепляет не только внутригосударственную систему, но и положение страны на общемировой арене, является недавняя (13.10.2021) встреча Патриарха Кирилла с духовными лидерами Армении и Азербайджана [13]. Состоявшаяся примерно через год после конфликта в Нагорном Карабахе, она стала символом духовного авторитета РПЦ, а через нее и всей России, а также явила собой пример участия религиозных организаций в деле урегулирования международных проблем.

«Интерес» к суннитско-шиитской проблематике со стороны Президента, его администрации также легко объясним в контексте недавних событий в Сирии, где было отмечено активное соперничество «шиитской» коалиции Ирака, Ирана и Сирийского правительства с просуннитскими силами Турции и Катара. В частности, 7 из 15 упоминаний о шиитах и 8 из 15 упоминаний о суннитах сделаны только за последние 5 лет: с 2015 по 2020 год. Интересно, что чаще всего эти термины встречаются в рамках одного документа, т.е. их упоминания взаимосвязаны: в 10 случаях из 15. Особенно показательны наиболее свежие случаи использования данной пары слов. Первый из них содержится в интервью В. В. Путина арабским телеканалам: «Люди должны понимать, что они живут в своей собственной стране, надежно пользуются защитой этой страны и ее законами. Это касается и суннитов, и шиитов, и алавитов, это касается христиан. Ведь Сирия всегда была многоконфессиональным государством и могла бы этим гордиться» [18]. Второй – в речи Т. Р. Эрдогана на церемонии открытия «Турецкого потока»: «Наш сосед Ирак находится сейчас под угрозой потери стабильности, и, конечно же, для нас иракские туркмены, их благосостояние является важным, так же, как и наших граждан. Арабы, турки, сунниты, шииты, все население Ирака – это наши братья» [39]. Не анализируя специально

политический контекст высказываний, отметим идентификационные различия глав двух стран. Если у В. В. Путина, лидера многоконфессионального государства (о чем речь пойдет ниже), ключевая мысль сводится к многоконфессиональности, требующей законных оснований, то у Эрдогана она больше склоняется к этничной, или даже надэтнической, общности, при ведущей роли ислама, как консолидирующего фактора.

Теперь рассмотрим динамику упоминаний на сайте Президента понятий «православные» (табл. 3) и «мусульмане» (табл. 4), которыми обозначают представителей двух наиболее многочисленных конфессий России. Заметно, что максимальное количество результатов поиска о первой конфессиональной группе пришлось на 2008–2009 гг. Причины данного факта кроются в чрезвычайно важных событиях, произошедших с РПЦ в эти два года: смерть патриарха Алексия II (5 декабря 2008 г.) и последовавшие за этим избрание нового патриарха (27–28 января 2009 г.) и его интронизация (1 февраля 2009 г.). В связи с кончиной Патриарха Московского и всея Руси Алексия II Президент Дмитрий Анатольевич Медведев выступил с обращением к гражданам, что стало беспрецедентным событием в истории современной России, продемонстрировавшим колоссальные изменения, произошедшие менее чем за два десятилетия в отношениях власти и религии, с одной стороны, а также в статусе Русской православной церкви, с другой. В этом смысле сложно не согласиться с Дмитрием Анатольевичем, утверждавшим, что под началом патриарха Алексия II «православная церковь превратилась в один из авторитетных институтов, плодотворно взаимодействующих с государством» [27].

Таблица 3

Динамика количества результатов по запросу «православные» на сайте Президента

Годы	2002– 2003	2004– 2005	2006– 2007	2008– 2009	2010– 2011	2012– 2013	2014– 2015	2016– 2017	2018– 2019
Количество упоминаний	51	80	80	130	99	104	67	91	103

Таблица 4

Динамика количества результатов по запросу «мусульмане» на сайте Президента

Годы	2002– 2003	2004– 2005	2006– 2007	2008– 2009	2010– 2011	2012– 2013	2014– 2015	2016– 2017	2018– 2019
Количество упоминаний	41	20	27	34	34	34	21	28	29

Второй «пик» упоминаний о православных на сайте Президента пришелся на 2012–2013 гг. Весьма интересное обстоятельство, если вспомнить, что в эти годы общественное внимание было приковано к обсуждению двух резонансных событий, которые прямо или косвенно касались РПЦ. Первое из них, пожалуй, самое громкое, вошло в историю как дело Pussy Riot. Напомним, что «панк-молебен» и последовавший за ним судебный процесс во многом стали индикаторами идеологического «раскола» не только российского, но и православного сообщества [10, с. 294] на условных «либералов» и «традиционалистов». Второе резонансное событие, пришедшее на тот же период, получило известность как скандал вокруг квартиры патриарха Кирилла. На сайте Президента мы обнаружили одно упоминание данного дела. Прозвучало оно из уст журналиста во время интервью Д. А. Медведева в достаточно завуалированном виде и, что интересно, в одном ряду с пресловутым панк-молебном: «Те, кто не пользуются интернетом, не знают, в общем, почти ничего о том, какие жестокие споры ведутся

вокруг, допустим, ареста участниц Pussy Riot и реакции церкви на это событие, практически не в курсе *скандалов вокруг церкви и имущества ее иерархов* и так далее, этот список можно продолжать очень долго» [17]. Таким образом, череда спорных и дискуссионных фактов, прямо или косвенно связанных с РПЦ, действительно могла вызвать всплеск публикаций о православии на сайте Президента, в первую очередь, в рамках попытки обозначить мнение власти по вопросу важности поддержания религиозного мира в России.

Максимум упоминаний о мусульманах зафиксирован в период с 2002 по 2003 год. Эти годы можно назвать поворотными в области взаимоотношений исполнительной власти и исламского сообщества. Именно на них пришлась усиленная подготовка по вступлению России в Организацию Исламская конференция – ОИК (сейчас – Организация исламского сотрудничества или ОИС) в качестве наблюдателя. И хотя формально это произошло несколько позже, в 2005 г., в период с 2002 по 2003 год произошли существенные события, ставшие символическим фундаментом, благодаря которым данное вступление стало возможным. В первую очередь, это касается выступления В. В. Путина на X встрече глав государств и правительств вышеназванной международной организации, недвусмысленно обозначившее заинтересованность исполнительной власти Российской Федерации и лично Президента в дружественных и тесных контактах с мировым исламским сообществом. Текст выступления изобилует комплементарными высказываниями в адрес исламских государств и мусульман (как зарубежных, так и российских) в целом: «И мы благодарны странам ОИК, другим зарубежным партнерам – всем благодарны, кто с добрыми намерениями и открытой душой помогал своим единоверцам в России, кто участвовал в строительстве и восстановлении мечетей, в организации хаджа, осуществлял образовательные, культурные и другие гуманитарные программы в нашей стране» [7]. Думается, не будет преувеличением предположить, что российская власть в начале и середине 2000-х гг. возлагала определенные «надежды» на диалог с мусульманскими государствами, которые в силу сложной, противоречивой и постоянно меняющейся политической ситуации в исламском мире вряд ли могли быть до конца оправданы. В любом случае выступление Президента и связанные с ним конкретные действия по налаживанию отношений с исламскими странами стали заметным событием не только в политической, но и в публицистической внутрироссийской жизни, буквально всколыхнув религиозоведческую [23] и политологическую общественность [11, 33]. Независимо от последствий такого поворота во внешней политике, сам факт идентификации, пусть и ситуативной, исполнительной и шире государственной власти нашей страны с российскими и мировым мусульманским сообществом стал важным культурологическим явлением, обозначившим мультирелигиозность России как ключевой фактор «мягкой силы», способной в определенный момент сыграть решающую роль в тех или иных исторических событиях. Пожалуй, никогда в истории современной России геополитический потенциал поликонфессиональности не осознавался обществом так остро, как в год выступления В. В. Путина в ОИК, во многом предвосхитившего успехи российской политики на сирийском направлении уже в наши дни. Касаемо последних событий отметим интересную особенность стенограммы пресс-конференции по итогам переговоров В. В. Путина и премьер-министра Венгрии Виктора Орбана. Если Президент России говорит о помощи в Сирии и христианским общинам, и мусульманским, то Орбан подчеркивает прохристианский характер внешней политики своей страны. Прочитав для верности В. В. Путина: «И Россия делает все, для того чтобы поддержать христиан на Ближнем Востоке. Кстати говоря, делаем мы это при тесном контакте и при совместной работе с легальными властями

этих стран. Российская Федерация, допустим, находясь в Сирии, оказывает помощь не только христианам, но и представителям ислама. Мы вкладываем средства, помогаем в восстановлении мечетей, мы оказываем гуманитарную помощь людям, которые собираются возле мечетей, и так далее, и так далее» [31].

В целом количественный анализ частоты упоминаний нерелигиозных терминов на сайте показывает, что религиозные проблемы не являются первоочередными для российской исполнительной власти, что также вполне предсказуемо. Перечислим некоторые из них, указав в скобках их встречаемость: Россия (27 102), политика (10 895), экономика (8073), народ (6447), культура (5823), традиция (4944), наука (4235), русские (3282), терроризм (2808), Украина (2273), театр (2223), музей (1271), телевидение (655), музыка (589), толерантность (167), этнос (119), духовность (115). Сопоставив перечисленные данные с результатами поиска в двух первых таблицах (табл. 1–2), заметим, что религиозные термины и понятия, в частности названия представителей конфессий, по частоте встречаемости близки к другим элементам и институтам культуры: музею, телевидению, музыке. В ряде случаев религиозная терминология еще более редка. Как уже было сказано, подобные результаты вполне можно было предположить в начале исследования. Во-первых, при всей неоднозначности взаимодействий органов власти и религии в современной России конституция по-прежнему закрепляет статус нашего государства как светского. Особенно важно в контексте нашего исследования, что опасность чрезмерного «заигрывания» с религиозной тематикой, по всей видимости, хорошо осознается представителями верховной исполнительной власти. Во-вторых, религиозное возрождение в стране и в отдельных регионах, вероятно, уже достигло своего максимально возможного в данных социально-политических условиях пика, в связи с чем религиозные институты наиболее многочисленных конфессий могут достаточно стабильно развиваться и взаимодействовать с обществом и друг с другом без постоянного вмешательства внешних факторов, к которым в светском государстве относится и исполнительная власть.

Заключение

В современных российских реалиях отсутствуют окончательно оформленные представления о сущности отношений государства и религии. Вызывает сомнение смещение этих отношений исключительно в сферу институционального взаимодействия, т.к. верующее население нередко не относит себя ни к какой религиозной организации. В подобных условиях усиливается влияние неинституциональных и неформальных факторов: нередко регулирование государственно-конфессиональных отношений может происходить в «ручном режиме» и зависит от личной позиции представителей власти, тональности их высказываний и оценочных суждений.

Наше исследование, направленное на анализ общей численности материалов по проблемам религии, размещенных на официальном сайте Президента Российской Федерации, показало взвешенную, в чем-то прагматичную позицию исполнительной власти к религиозному вопросу, который в целом не является первоочередным в повестке дня на протяжении почти 20 лет. Рейтинг упоминаний отдельных конфессий, а также некоторое его несоответствие реальной численности их представителей объясняется общей спецификой российской внутренней и внешней политики по отношению к религиозным и околорелигиозным вопросам, которые зафиксированы в частности в Федеральном законе «О свободе совести и религиозных объединениях». Например, по числу упоминаний на сайте на первых местах значатся две

наиболее многочисленными (по числу верующих и зарегистрированных религиозных организаций), а также «традиционные» конфессии России: православные и мусульмане, которые также в числе первых упомянуты в преамбуле вышеназванного закона. Очевидное преобладание православия и связанных с ним терминов и понятий также предсказуемо и связано с тем, что относительно его роли как ключевого религиозного фактора в российском обществе как на уровне государственной власти, так и в научном сообществе, установился негласный консенсус.

Исследование зафиксировало также более низкие позиции по упоминаемости у католиков, старообрядцев и протестантов, по сравнению с численностью зарегистрированных организаций этих конфессий, а также частотой, с которой они фигурируют в поисковых системах. В случае католиков и протестантов данный факт можно объяснить традиционным дистанцированием Русской православной церкви и государства от западных церквей, как агентов влияния, «исповедующих западническую идеологию, западный рационализм, который чужд евразийскому восточному православному сознанию» [22, с. 142]. Небольшое количество упоминаний старообрядцев, очевидно не соответствующее значительному числу зарегистрированных организаций, объясняется тем, что на уровне верховной исполнительной власти они рассматриваются в рамках общеправославной и общехристианской тематики.

Исследование показало пристальное внимание исполнительной власти к иудеям, буддистам, а также к двум направлениям ислама – шиизму и суннизму, которое не всегда коррелирует с численностью упоминания их в других платформах, а также с численностью религиозных организаций. В случае иудеев и буддистов это объясняется концептом «традиционной религии», имеющего историко-культурное обоснование, а также идеологическую поддержку в лице РПЦ. «Интерес» к суннитско-шиитской проблематике со стороны Президента, его администрации также легко объясним в контексте событий в Сирии, где было отмечено активное соперничество «шиитской» коалиции с просуннитскими силами.

Наконец, отдельные максимумы упоминаний православных и мусульман объясняются реальными историческими событиями, носят ситуативный характер, их никак нельзя назвать тенденциозными. В частности, пик упоминания православия на интронизацию нового Патриарха и скандалы, которые прямо или косвенно касались РПЦ и ее иерархов, а пик упоминаний ислама пришелся на период вступления России в ОИК. С другой стороны, сам факт идентификации, пусть и ситуативной, исполнительной и, шире, государственной власти с российскими и мировым мусульманским сообществом, а также с православными верующими, возмущившимися «панк-молебном», стал важным культурологическим явлением, обозначившим мультирелигиозность России и прорелигиозность российской исполнительной власти как ключевые факторы «мягкой силы», способные в определенный момент сыграть решающую роль в тех или иных политических событиях. В связи с этим возрастает значение межконфессионального диалога в России, который, на наш взгляд, необходим на самом широком уровне и не должен ограничиваться только лишь «традиционными религиозными общинами». Участие всех религий в развитии добрососедских отношений между конфессиями и их последователями – залог стабильной внутригосударственной системы нашей страны, а также ее успехов на международной арене.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ в рамках научно-исследовательского проекта «Взаимодействие христиан и мусульман России в условиях социокультурных угроз современного мира: от коммуникации организаций до синкретизма религиозного сознания», код МД-2585.2021.2 (2021-2022 гг.)

Литература

1. Арена. Атлас религий и национальностей России. 18.10.2012. URL: <http://sreda.org/arena>.
2. Артюшкин В. Ф. Религиозный фактор во внутренней и внешней политике России // *Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer*. 2011. №2(253). С. 5–17.
3. Ахмадулина С. З. Взаимодействие государства и религиозных объединений в России на рубеже XX–XXI вв. // *Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии*. 2019. №2. С. 3–12.
4. Великий пост и религиозность // Левада-центр (организация внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента). 03.03.20. URL: <https://www.levada.ru/2020/03/03/velikij-post-i-religioznost/>.
5. Великий пост // ВЦИОМ. 15.03.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2021>.
6. Верняев И. И. Старообрядчество и власть в постсоветской России // *Новейшая история России*. 2017. №2(19). С. 192–208.
7. Выступление на X встрече глав государств и правительств Организации Исламская конференция // Президент России. 16.10.2003. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22160>.
8. Выхованец А. Е. Теология в системе светского образования в современной России // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2017. №12-5(86). С. 57–60.
9. Главные российские институты: общественная оценка // ВЦИОМ. 26.11.2020. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10647>.
10. Гришаева Е. И., Шумкова В. А. Традиционалистские православные медиа: структура дискурса и особенности функционирования // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2018. №2. С. 291–308.
11. Дубнов А. Владимир Путин на саммите Организации Исламская конференция // *Россия и мусульманский мир*. 2003. №12. С. 8–11.
12. Дудина В. И., Юдина Д. И. Извлекая мнения из сети Интернет: могут ли методы анализа текстов заменить опросы общественного мнения? // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2017. №5. С. 63–78.
13. Духовные лидеры Армении и Азербайджана встретились в Москве для переговоров // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20211013/vstrecha-1754349844.html>.
14. Ибрагимов Р. Р. Государственно-конфессиональные отношения в Татарстане в 1940–1980-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004. 225 с.
15. Идиатуллов А. К. К вопросу о роли ислама в этнической идентификации татар Ульяновской области // *European Social Science Journal*. 2014. №9-2(48). С. 224–228.
16. Идиатуллов А. К. Религиозность русского населения г. Ульяновска в начале XXI в. // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. №1-4(61). С. 135–138.
17. Идиатуллов А. К. Религиозность студентов Уфы (на примере башкир и татар) // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. №399. С. 63–66.
18. Интервью российским телеканалам // Президент России. 26.04.2012. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15149>.
19. Интервью телеканалам Al Arabiya, Sky News Arabia и RT Arabic // Президент России. 13.10.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61792>.
20. Исаев А. В. Социально-политическое партнерство органов государственной власти и Русской православной церкви в современной России: проблемы и пути оптимизации // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2011. №1(18). С. 103–110.
21. Королева Л. А., Королев А. А. Ислам в СССР: некоторые аспекты государственно-религиозной политики // *Альманах современной науки и образования*. 2008. №6(13). Ч. I. С. 110–112.
22. Крихтова Т., Алексин К. Современные подходы к изучению ролевой дифференциации священников // *Российский гуманитарный журнал*. 2018. Т. 7. №2. С. 119–131.
23. Лункин Р. Н. Российский протестантизм: евангельские христиане как новый социальный феномен // *Современная Европа*. 2014. №3(59). С. 133–143.
24. Малашенко А. В. Ответный ход – за исламом // *Россия и мусульманский мир*. 2003. №11. С. 109–111.

25. Малашенко А. В. *Ислам для России*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), **2007**. 192 с.
26. Малашенко А. В. *Ислам: век XXI*. М.: Институт Ближнего Востока, **2019**. 230 с.
27. Надеин-Раевский В. А. Р. Т. Эрдоган как пример политика-харизматика // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. **2017**. Т. 10. №6. С. 138–154.
28. Обращение к гражданам России в связи с кончиной Патриарха Московского и всея Руси Алексия II // Президент России. 5.12.2008. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/2393>.
29. Одинцов М. И. *Государство и Церковь в России XX в.* М.: Луч, **1994**. 171 с.
30. О свободе совести и религиозных объединениях: Федеральный закон от 26.09.1997 №125-ФЗ. 26.09.1997. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218.
31. Пластун В. Н. Особенности взаимодействия религии и политики в странах ислама // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. **2012**. Т. 11. №4. С. 103–107.
32. Российско-венгерские переговоры // Президент России. 30.10.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61936>.
33. *Россия в цифрах. 2019: Крат. стат. сб.* М., **2019**. 549 с.
34. Самохоткин А. Владимир Путин дал интервью «Аль-Джазире» // *Россия и мусульманский мир*. **2003**. №12. С. 11–13.
35. Сафонов Д. Русская Православная Церковь в диалоге религий // *Материалы круглого стола: «Диалог религий в современном мире: проблемы и перспективы»* – 2017. М.: ДА МИД России, **2017**. С. 9–17.
36. Сгибнева О. И. Отношения государства и религиозных организаций в условиях свободы совести // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии*. **2012**. №1(16). С. 99–104.
37. Синелина Ю. Ю. О динамике религиозности россиян и некоторых методологических проблемах его изучения (религиозное сознание и поведение православных и мусульман) // *Социологические исследования*. **2013**. №10(354). С. 104–115.
38. *Современные верования и конфессии в России: справочник*. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, **2017**. 162 с.
39. Стамболиди А. В. Государственно-конфессиональные отношения в СССР в середине 60-х – начале 80-х годов XX века: дис. ... канд. ист. наук. М., **2009**. 157 с.
40. Церемония ввода в эксплуатацию газопровода «Турецкий поток» // Президент России. 8.01.2020. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62553>.
41. Элбакян Е. Симптомы клерикализации // Сайт Центра религиоведческих исследований «Религиополис». 27.04.2010. URL: <http://www.religiopolis.org/religiovedenie/434-ekaterinaelbakjan-simptomu-klerikalizatsii.html>.
42. Яковлев А. И. Религиозный фактор в мировой политике в эпоху глобализации: от секуляризации к фундаментализму // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. **2013**. №4. С. 4–38.
43. Яхьяев М. Я., Камышова Е. Г. Власть и религия в современной России: метаморфозы взаимодействия // *Исламоведение*. **2013**. №1(15). С. 6–19.
44. Cody E. M., Reagan A. J., Dodds P. S., Danforth C. M. Public Opinion Polling with Twitter. arXiv preprint arXiv: 1608.02024. URL: <http://www.uvm.edu/pdodds/research/papers/cody2016b/>.
45. Fichter J. H. The myth of clergy burnout // *Sociological Analysis*. **1984**. Vol. 45. No. 4. Pp. 373–382.
46. Koval J. P. Priesthood as career: Yesterday and today // *Evolving Religious Careers*. Washington, DC: Center for Applied Research in the Apostolate. **1970**. Pp. 85–100.

Поступила в редакцию 14.03.2021 г.

После доработки – 11.10.2021 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2021.5.5

“Orthodox”, “Muslims” and other “believers” on the official website of the President of the Russian Federation

© A. K. Idiatullov

*Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov
4/5 Lenin Square, 432071 Ulyanovsk, Russia.*

Email: azkoidiat@yandex.ru

Confessional issues are discussed at the highest levels of the power hierarchy. The author of the article analyzes the number of mentions of representatives of the most numerous confessions of Russia (Orthodox and Muslim) on the official website of the President of Russia. Search queries showed a very expected distribution of groups of believers, representatives of religions and confessions, according to the number of references: in the first place are the Orthodox and Muslims declared in the title of the article. However, according to the author, this fact cannot be explained by the mere numerical predominance of ethnic groups traditionally professing these religions. The rating of mentions of certain confessions, as well as some of its discrepancy with the real number of their representatives, is explained by the general specifics of Russian domestic and foreign policy in relation to religious and near-religious issues. In addition, the analysis of the site's materials revealed the President's increased interest in Sunni-Shiite issues. In general, according to the author of the article, the materials on the President's official website reflect a fairly balanced, somewhat pragmatic position of the executive branch on the religious issue, which, in general, has not been a priority on the agenda for almost 20 years. Individual maximums of references to Orthodox Christians and Muslims are associated with real historical events, are situational in nature, they can in no way be called tendentious. For example, the largest number of references to Orthodox Christians fell on 2008, 2009, 2012, 2013, which the author associates with the election of a new patriarch and with a punk prayer that caused a wide public response.

Keywords: President of Russia, religion, Orthodox, Muslims, Christians, Russian Orthodox, Church, Islam, believers, Sunnis, Shiites.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Idiatullov A. K. “Orthodox”, “Muslims” and other “believers” on the official website of the President of the Russian Federation // *Liberal Arts in Russia*. 2021. Vol. 10. No. 5. Pp. 342–357.

References

1. Arena. Atlas religii i natsional'nostei Rossii. 18.10.2012. URL: <http://sreda.org/arena>.
2. Artyushkin V. F. *Nauchno-analiticheskii zhurnal Obozrevatel' – Observer*. 2011. No. 2(253). Pp. 5–17.
3. Akhmadulina S. Z. *Vestnik Buryat-skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya Vnut-rennei Azii*. 2019. No. 2. Pp. 3–12.
4. Velikii post i religioznost'. Levada-tsentr (organizatsiya vnesena v reestr nekommercheskikh orga-nizatsii, vypolnyayushchikh funktsii inostrannogo agenta). 03.03.20. URL: <https://www.levada.ru/2020/03/03/velikij-post-i-religioznost/>.
5. Velikii post. VTsIOM. 15.03.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2021>.
6. Vernyaev I. I. *Noveishaya istoriya Rossii*. 2017. No. 2(19). Pp. 192–208.
7. Vystuplenie na Kh vstreche glav gosudarstv i pravitel'stv Organizatsii Islamskaya konferentsiya. Prezident Rossii. 16.10.2003. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22160>.
8. Vykhoanets A. E. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teo-rii i praktiki*. 2017. No. 12-5(86). Pp. 57–60.
9. Glavnye rossiiskie instituty: obshchestvennaya otsenka. VTsIOM. 26.11.2020. URL: <https://old.wciom.ru/in dex.php?id=236&uid=10647>.
10. Grishaeva E. I., Shumkova V. A. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2018. No. 2. Pp. 291–308.
11. Dubnov A. *Rossiia i musul'-manskii mir*. 2003. No. 12. Pp. 8–11.

12. Dudina V. I., Yudina D. I. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i so-tsial'nye peremeny*. 2017. No. 5. Pp. 63–78.
13. Dukhovnye lidery Armenii i Azerbaidzhana vstretilis' v Moskve dlya peregovorov. RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20211013/vstrecha-1754349844.html>.
14. Ibragimov R. R. Gosudarstvenno-konfessional'nye otnosheniya v Tatarstane v 1940–1980-e gg.: dis. ... kand. ist. nauk. Kazan', 2004.
15. Idiatullof A. K. *European Social Science Journal*. 2014. No. 9-2(48). Pp. 224–228.
16. Idiatullof A. K. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015. No. 1-4(61). Pp. 135–138.
17. Idiatullof A. K. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015. No. 399. Pp. 63–66.
18. Interv'yu rossiiskim telekanalam. Prezident Rossii. 26.04.2012. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15149>.
19. Interv'yu telekanalam Al Arabiya, Sky News Arabia i RT Arabic. Prezident Rossii. 13.10.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61792>.
20. Isaev A. V. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*. 2011. No. 1(18). Pp. 103–110.
21. Koroleva L. A., Korolev A. A. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*. 2008. No. 6(13). Ch. I. Pp. 110–112.
22. Krikhtova T., Aleksin K. *Liberal Arts in Russia*. 2018. Vol. 7. No. 2. Pp. 119–131.
23. Lunkin R. N. *Sovremennaya Evropa*. 2014. No. 3(59). Pp. 133–143.
24. Malashenko A. V. *Rossiya i musul'manskii mir*. 2003. No. 11. Pp. 109–111.
25. Malashenko A. V. *Islam dlya Rossii [Islam for Russia]*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2007.
26. Malashenko A. V. *Islam: vek XXI [Islam: 21st century]*. Moscow: Institut Blizhnego Vostoka, 2019.
27. Nadein-Raevskii V. A. R. T. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*. 2017. Vol. 10. No. 6. Pp. 138–154.
28. Obrashchenie k grazhdanam Rossii v svyazi s konchinoi Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Aleksiya II. Prezident Rossii. 5.12.2008. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/2393>.
29. Odintsov M. I. *Gosudarstvo i Tserkov' v Rossii XX v. [State and Church in Russia of the 20th century]*. Moscow: Luch, 1994.
30. O svobode sovesti i religioznykh ob"edineniyakh: Federal'nyi zakon ot 26.09.1997 No. 125-FZ. 26.09.1997. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_docs_LAW_16218.
31. Plastun V. N. *Vestnik Novo-sibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2012. Vol. 11. No. 4. Pp. 103–107.
32. Rossiisko-vengerskie peregovory. Prezident Rossii. 30.10.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61936>.
33. *Rossiya v tsifrakh. 2019: Krat. stat. sb. [Russia in numbers. 2019: Concise statistics collection]* Moscow, 2019.
34. Samokhotkin A. *Rossiya i musul'manskii mir*. 2003. No. 12. Pp. 11–13.
35. Safonov D. Materialy kruglogo stola: «Dialog religii v sovremennom mire: problemy i perspektivy» – 2017. Moscow: DA MID Rossii, 2017. Pp. 9–17.
36. Sgibneva O. I. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii*. 2012. No. 1(16). Pp. 99–104.
37. Sinelina Yu. Yu. *Sotsiologicheskie is-sledovaniya*. 2013. No. 10(354). Pp. 104–115.
38. *Sovremennye verovaniya i konfessii v Rossii: spravochnik [Modern beliefs and confessions in Russia: handbook]*. Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2017.
39. Stambolidi A. V. Gosudarstvenno-konfessional'nye otnosheniya v SSSR v seredine 60-kh – nachale 80-kh godov XX veka: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2009.
40. Tseremoniya vvoda v ekspluatatsiyu gazoprovoda «Turetskii potok». Prezident Rossii. 8.01.2020. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62553>.
41. Elbakyan E. Sait Tsentra religiovedcheskikh issledovaniy «Religiopolis». 27.04.2010. URL: <http://www.religiopolis.org/religiovedenie/434-ekaterinaelbakjan-simptomiy-klerikalizatsii.html>.
42. Yakovlev A. I. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. 2013. No. 4. Pp. 4–38.
43. Yakh'yaev M. Ya., Kamyshova E. G. *Islamovedenie*. 2013. No. 1(15). Pp. 6–19.
44. Cody E. M., Reagan A. J., Dodds P. S., Danforth C. M. Public Opinion Polling with Twitter. arXiv preprint arXiv: 1608.02024. URL: <http://www.uvm.edu/pdodds/research/papers/cody2016b/>.
45. Fichter J. H. *Sociological Analysis*. 1984. Vol. 45. No. 4. Pp. 373–382.
46. Koval J. P. *Evolving Religious Careers*. Washington, DC: Center for Applied Research in the Apostolate. 1970. Pp. 85–100.

Received 14.03.2021.

Revised 11.10.2021.